

КРУЖОК С. В. О. Д.

К. Н. ВЕНЦЕЛЬ.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ВОЙНА.

ЦЕНА 40 КОП.

МОСКВА,
1918
ГОД З РЕВОЛЮЦИИ.

НА УСТРОЙСТВО ДЕТСКОГО ДОМА.

СКЛАД ИЗДАНИЙ КРУЖКА С. В. О. Д.

МОСКВА, Моховая, 22, Студенч. Издательство.

Распродано:

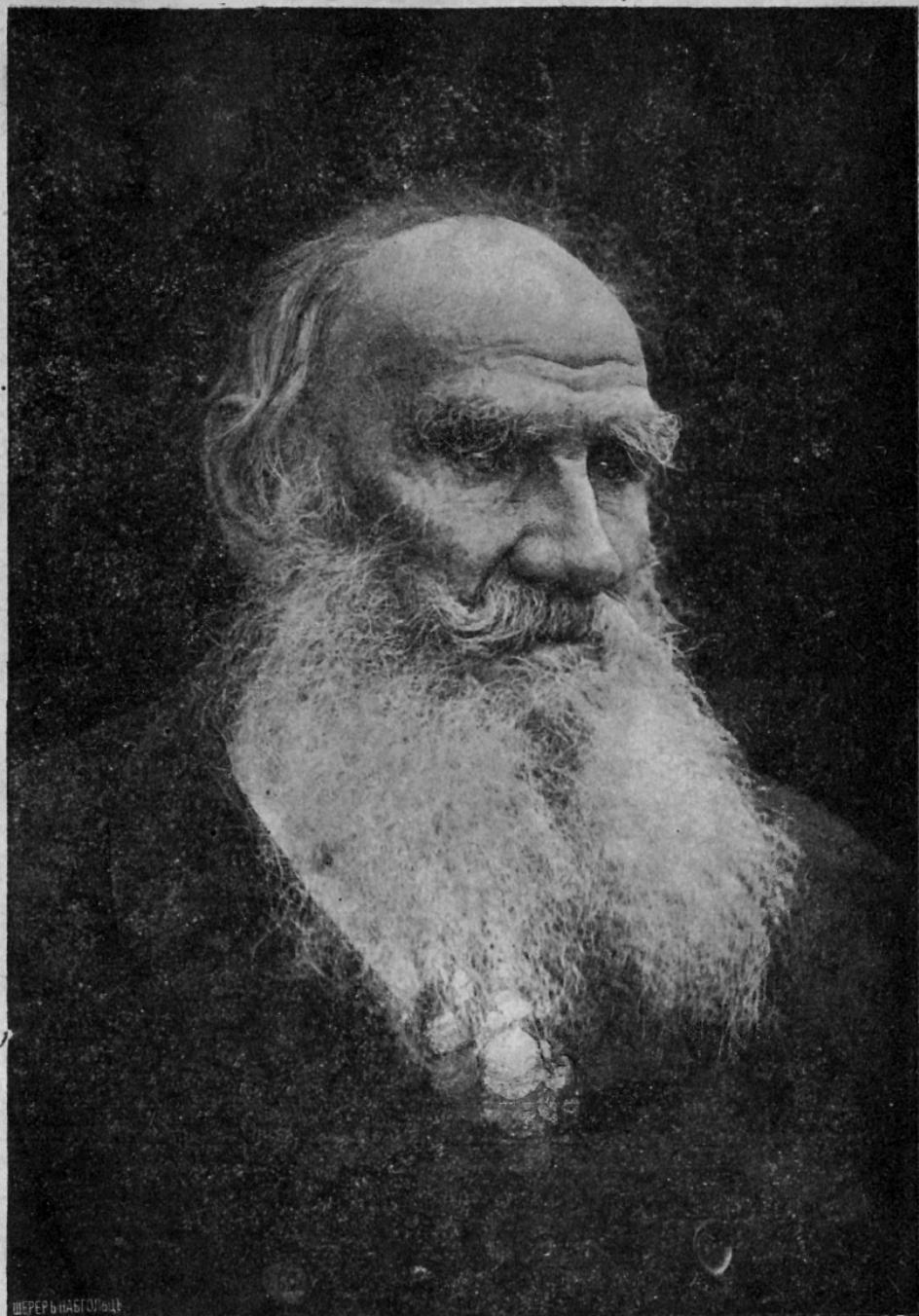
1. Кружок свободного воспитания и образования детей. Очерк деятельности (1907 — 1912). М. 1912 г. Ц. 20 к.
2. Л. С. Тезавровская. Народный Детский Сад Кружка. С 11 рис. М. 1914. Ц. 10 к.
3. Детские работы. Серия открыток (6 штук). М. 1914 г. Ц. за серию 25 к.
4. Справочник курсов дошкольного воспитания. 1-ое изд. М. 1914 г. Ц. 5 к.; 2-ое изд. М. 1914 г. Ц. 25 к.
5. К. Н. Вентцель. Детский Дом. М. 1915 г. Ц. 10 к.
...Дом этот по истине новый. Он — словно
греза далекая и все же сбывающаяся...
...„Дом ребенка“ знаменует первый шаг к
социализации дома...

М. Монтессори.

6. Н. М. Швайцар. О вреде елок и подарков. М. 1915 г. Ц. 15 к.
7. Л. С. Тезавровская. О детском творчестве в живописи. М. 1916 г. Ц. 10 к.
8. К. Н. Вентцель. Как бороться с милитаризмом. М. 1916 г. Ц. 10 к.
9. Эмиль Верхарн. М. 1917 г. Ц. 20 к.

Новые издания:

10. Ритмика Жак-Далькроза. М. 1917 г. Ц. 20 к.
11. А. Л. Бродский (преподаватель ун-та Шанявского). Печка без огня (Экономия топлива). С 2 чертеж. М. 1917 г. Ц. 5.
12. Сергей Булыгин. Довольно крови! М. 1917 г. Ц. 10.
13. К. Н. Вентцель. Как бороться с милитаризмом. 2-ое изд., дополн. М. 1917 г. Ц. 15 к.
14. М. К. Вольский. Война, социализм и международная солидарность. М. 1917 г. Ц. 50 к.

ШЕРЕВЪ ИАБОЛЫК

818

Типографія „КОММУНИСТЪ“, Москва.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ВОЙНА.

Нельзя взвесить того нравственного зла,
которое производят войны.

*

Война не стихийное явление, а чисто человеческое.

*

Война есть разрешаемое людьми преступление:

Л. Н. Толстой.

Шесть лет тому назад *) — 28 октября 1910 г. — совершился уход Льва Николаевича Толстого из его семьи, из привычной ему жизненной обстановки, имевший своей целью устраниТЬ противоречие, всегда мучившее Льва Николаевича, между жизнепониманием, которое он исповедывал и проповедывал со всею свойственной ему искренностью и прямотой мысли, и тем образом жизни, который ему приходилось волею судьбы вести. Последовавшая вскоре после этого смерть — 7 ноября 1910 г. — помешала ему довести до конца свое намерение, и жизнь этого великого и гениального человека оборвалась так неожиданно быстро и скоро и как раз незадолго, всего за 4 года, перед тем тяжелым испытанием, которое свалилось на Россию и на все человечество и, которое вот уже более 2 лет продолжает мучить, терзать и потрясать мир своими никогда неслыханными и нигде невиданными кровавыми и огненными ужасами без малейшей надежды на скорое окончание этого испытания.**) Толстой только немного не дожил до

*) Настоящая статья представляет доклад, прочитанный 28 октября 1916 г. в Кружке свободного воспитания и образования детей.

**) В настоящее время подобному пессимизму, повидимому, нет места. *Прим. ред.*

тех страшных дней, которые нам приходится переживать теперь, может быть, к счастью своему, потому что можно вообразить, что должна была бы чувствовать при этом его чуткая, любящая, широкая душа,— но к большому несчастью для нас, когда так необходимо было бы его искреннее и горячее, проникновенное слово и когда так хотелось бы выслушать, что бы он сказал по поводу тех потрясающих по своему материальному и нравственному значению событий, зрителями и вольными или невольными участниками которых нам приходится быть. Мы можем только догадываться о том, что он сказал бы, хотя и с несомненной почти достоверностью, потому что в его сочинениях содержится богатый материал по тем вопросам, которые нам ставит современная действительность, и так как Льву Николаевичу не раз приходилось высказываться в аналогичных случаях, которые нам приходится переживать. Как отнесся бы Толстой к современной войне, это нам нетрудно будет себе представить, если мы восстановим в своей памяти те мысли, которые он высказывал по поводу войны в своих сочинениях. И самое лучшее, что мы можем сделать в настоящее время в память великого писателя и человека земли русской,— это в знаменательные Толстовские дни опять передумать его мысли по этому поводу и перечувствовать те возвышенные чувства, которыми они были продиктованы.

---

8 мая 1904 года Львом Николаевичем была окончена его сильная статья: „Одумайтесь!“, написанная им под впечатлением вспыхнувшей тогда русско-японской войны.

„Опять война“, так начинает он ее: „опять никому ненужные, ничем не вызванные страдания; опять лож,

бпять всеобщее одурение, озверение людей. Люди, десятками тысяч верст отделенные друг от друга, сотни тысяч таких людей, с одной стороны — буддисты, закон которых запрещает убийство не только людей, но животных, с другой стороны — христиане, исповедующие закон братства и любви, как дикие звери, на существо и на море ищут друг друга, чтобы убить, замучить, искалечить самым жестоким образом. Что же это такое? Во сне это или наяву? Совершается что-то такое, чего не должно, не может быть, — хочется верить, что это сон, и проснуться. Но нет, это не сон, а ужасная действительность.“ *) „Совершается что-то непонятное и невозможное по своей жестокости, лживости и глупости“. **) „Точно как будто не было ни Вольтера, ни Монтеня, ни Паскаля, ни Свифта, ни Канта, ни Спинозы, ни сотен других писателей, с большой силой обличавших бесмысленность, ненужность войны и изображавших ее жестокость, безнравственность, дикость, и, главное, точно как будто не было Христа и его проповеди о братстве людей и любви к Богу и людям. Вспомнишь все это и посмотришь вокруг себя на то, что делается теперь, и испытываешь ужас уже не перед ужасами войны, а перед тем, что ужаснее всех ужасов, — перед сознанием бессилия человеческого разума. То, что единственно отличает человека от животного, то, что составляет его достоинство, — его разум — оказывается ненужным, бесполезным, даже не бесполезным, а вредным придатком, только затрудняющим всякую деятельность, вроде как узда, сбившаяся с головы лошади и путающаяся в ее ногах и только раздражающая ее. Понятно, что язычник, грек, римлянин, даже средневековый христианин, не знавший Евангелия и слепо

*) „Одумайтесь!“ — стр. 2, 3. **) Там же — стр. 6.

веровавший во все предписания церкви, мог воевать и, воюя, гордиться своим военным званием; но как может верующий христианин или даже неверующий, но весь невольно проникнутый христианскими идеалами братства людей и любви, которыми воодушевлены произведения философов, моралистов, художников нашего времени,— как может такой человек взять ружье или стать к пушке и целиться в толпы ближних, желая убить их как можно больше".^{*)}) „Непосредственное чувство говорит людям, что не должно быть того, что они делают, но как тот убийца, который, начав резать свою жертву, не может остановиться, так и русским людям кажется теперь неопровергимым доводом в пользу войны то, что дело начато. Война начата и потому надо продолжать ее. Так это представляется самым простым, заблудшим, неученым людям, действующим под влиянием страстей и одурения, которому они подверглись. И точно так же рассуждают самые учёные люди нашего времени, доказывая то, что человек не имеет свободы воли и потому, если бы он и понял, что начатое им дело некорошо, он не может остановиться. И ошалевшие, озверевшие люди продолжают ужасное дело".^{**)})

Год спустя в другом своем сочинении: „Единое на потребу“ Лев Николаевич писал: „Уже второй год продолжается на Дальнем Востоке война. На войне этой погибло уже несколько сот тысяч человек. Со стороны России вызваны и вызываются на действительную службу сотни тысяч человек, числящихся в запасе и живших в своих семьях и домах. Люди эти все с отчаянием и страхом или с напущенным, поддерживаемым

---

^{*)} Там же — стр. 12, 13. ^{**) Там же — стр. 14.}

водкой молодечеством бросают семьи, садятся в вагоны и беспрекословно катятся туда, где, как они знают, в тяжелых мучениях погибли десятки тысяч таких же, как они, свезенных туда в тех же вагонах, людей. И навстречу им катятся тысячи изуродованных калек, поехавших туда молодыми, целыми, здоровыми.

Все эти люди с ужасом думают о том, что их ожидает, и всетаки беспрекословно едут, стараясь уверить себя, что это так надо.

Что это такое?

Зачем люди идут туда?

Что никто из этих людей не хочет делать того, что они делают, в этом не может быть никакого сомнения. Все эти люди не только не нуждаются в этой драке и не хотят участвовать в ней, но не могут даже объяснить себе, зачем все это делается, — но никто в мире не может объяснить этого, потому что разумного объяснения этого дела нет и не может быть *никакого*.

Положение всех людей, участвующих в этом деле и смотрящих на него, подобно тому, в котором были бы люди, из которых одни сидели бы в длинном караване вагонов, катящихся по рельсам под уклон с неудержимой быстротой прямо к разрушенному мосту над пропастью, а другие беспомощно смотрели бы на это.

Люди, миллионы людей, не имея к этому никакого желания, ни повода, истребляют друг друга и, сознавая безумие такого дела, не могут остановиться*. *)

Так писал Лев Николаевич больше десяти лет тому назад. Но, может быть, найдутся такие наивные люди, которые скажут: да, это было писано относительно русско-японской войны, которая, действительно, была бессмысленна и не пользовалась никакой популяр-

). Единое на потребу — стр. 3, 4.

ностью в народе. Но разве можно ее сравнивать хотя бы в отдаленной степени с современной войной, которая полна такого глубокого смысла и пользуется признанием и среди народных масс и среди широких кругов передовой интеллигенции, которую называют „священной“ войной, „освободительной“, в которой видят войну, призванную положить навсегда конец войнам на земном шаре и т. д. Если бы Толстой был жив, он наверное отнесся бы к этой войне иначе, чем он относился к русско-японской войне. Он, без сомнения, выказался бы в аналогичном духе, как другой известный анархист Крапоткин, который подобно Толстому одуванчен идеей братства всех народов и однако же на склоне своих лет выступил с защитой последней войны и в одном из своих писем из Брайтона (2 сентября 1914 г.) писал: „Скорее, скорее выливайте пушки в 50 сантиметров и все тащите их — старики, женщины, дети — на южные высоты Парижа и направляйте их против авангарда гуннов... Довольно иллюзий! Вооружайтесь! Сделайте сверхчеловеческое усилие, только таким образом Франция вновь завоюет себе право и силу распространять свою цивилизацию и свои идеи свободы, коммунизма и братства среди народов Европы“.

Здесь не место обсуждать то противоречие, в которое вступил Крапоткин в своих последних опубликованных письмах о войне с теми идеями, которые он так страстно и горячо проповедывал в своих прежних сочинениях. Едва ли бы с Толстым могло произойти что-либо подобное... Правда, в эпоху „Войны и мира“ Толстой писал: „Благо тому народу, который не как французы в 1813 г., отсалютовав по всем правилам искусства и перевернув шпагу эфесом, грациозно и учию передают ее великодушному победителю, а благо

тому народу, который в минуту испытания, не спрашивая о том, как по правилам поступали другие люди в этих случаях, с простотой и легкостью поднимает первую попавшуюся дубину и гвоздит ею до тех пор, пока в душе его чувство оскорбления и мести не заменяется чувством презрения и жалости“.*.) Но затем то жизнепонимание, которое сквозит в этих строках было окончательно и бесповоротно у него преодолено другим жизнепониманием, которому он оставался верен до конца своей жизни. Стоя на почве этого позднейшего жизнепонимания, Толстой настолько ясно и недвусмысленно высказал свое отрицательное отношение ко всякой войне, достижение каких бы целей при этом ни имелось в виду и какой бы характер — наступательный или оборонительный — войны ни имела, что только наивные люди, только поверхностно и неглубоко знакомые с ним могут воссмражать, что с Толстым могла бы совериться такая неожиданная перемена, какая произошла с престарелым Крапоткиным.

Вот оценка, которую делает Толстой в отношении ко всякой войне без исключения. „Война есть убийство“, пишет он в одном месте: „и сколько бы людей ни собралось вместе, чтобы совершить убийство, и как бы они себя ни называли, убийство все же самый худший грех в мире“.

„Война есть такое состояние людей, в котором получают власть и славу самые низкие и порочные люди“, пишет он в другом месте. **)

„Для людей истинно просвещенных и потому свободных от суеверия военного величия, а таковых с каждым днем становится все больше и больше“, читаем

*.) „Война и мир“. 7-ое полное издание сочинений. Т. VIII. стр. 17.

**) „Круг чтения“, 9 февраля.

Мы в его обращении: „военное дело и звание, несмотря на все усилия скрыть его истинное значение, есть дело столь же и даже гораздо более постыдное, чем дело и звание палача, так как палач признает себя готовым убивать только людей, признанных вредными и преступными, военный же человек обещается убивать и всех тех людей, которых только ему велят убивать, хотя бы это были и самые близкие ему и самые лучшие люди“.*)

„Я предложил бы нашему собранию“, пишет он в том же обращении: „составить и обнародовать такое воззвание к людям всех и в особенности христианских народов, в котором мы ясно и определенно высказали бы то, что все знают, но никто или почти никто не говорит, а именно: то, что война не есть, как это признается теперь большинством людей, доброе, похвальное дело, а есть, как всякое убийство, гадкое и преступное дело как для тех людей, которые свободно избирают военную деятельность, так и для тех, которые из страха наказания или из корыстных видов отдаются ей.“ **)

А в сочинении: „Царство Божие внутри вас“ Толстой пишет:

„Всякая, самая короткая война с сопровождающими войну тратами, истреблениями посевов, воровствами, допускаемым развратом, грабежами, убийствами, с придумываемыми оправданиями необходимости и справедливости ее, с возвеличением и восхвалением военных подвигов, любви к знамени, к отечеству и с притворством забот о раненых и т. п. — разворачивает в один год людей больше, чем миллионы грабежей, поджогов,

---

*) „На конгресс мира“, 1909 г. **) Там же.

убийств, совершаемых в продолжение сотни лет одиночными людьми под влиянием страстей".*)

Таким образом из этих выдержек с несомненностью видно, что война для Толстого стоит на одной доске с преступлением. И это понятно, потому что война стоит в безусловном вопиющем противоречии с сознанием современного человека, с тем христианским жизнепониманием, которого, по мнению Толстого, достигло в настоящее время человечество.

"Мы все — христианские народы", читаем мы в том же сочинении: "живущие одной духовной жизнью, так что всякая добрая, плодотворная мысль, возникающая на одном конце мира, тотчас же сообщаясь всему христианскому человечеству, вызывает одинаковые чувства радости и гордости независимо от национальности; мы, любящие не только мыслителей, благодетелей, певцов, ученых чужих народов, мы, гордящиеся подвигом Дамиана, как своим собственным, мы, просто любящие людей чужих национальностей: французов, немцев, американцев, англичан, мы, не только уважающие их качества, но радующиеся, когда встречаемся с ними, радостно улыбающиеся им, не могущие не только считать подвигом войну с этими людьми, но не могущие без ужаса подумать о том, чтобы между этими людьми и нами могло возникнуть такое разногласие, которое должно бы было быть разрешено взаимным убийством, — мы все призваны к участию в убийстве, которое неизбежно не нынче, так завтра должно совершиться.

Ведь хорошо было еврею, греку, римлянину не только отстаивать независимость своего народа убийством, но и убийством же подчинять себе другие народы, когда он твердо верил тому, что его народ один

*) „Царство Божие внутри вас" — стр. 313.

настоящий, хороший, добрый, любимый Богом народ, а все остальные — филистимляне, варвары. Могли верить в это еще и люди средневековые, могли верить недавно еще в конце прошлого и в самом начале нынешнего столетия. Но мы, сколько бы ни раздразнивали нас, мы уже не можем верить в это, и противоречие это для людей нашего времени так ужасно, что жить, не разрешив его, стало невозможнo". *)

„Удивляются”, пишет Лев Николаевич несколькими страницами далее: „на то, что в Европе совершается ежегодно 60.000 самоубийств, только известных, записанных, и то — за исключением России и Турции; но надо удивляться не тому, что самоубийств совершается так много, а тому, что их так мало. Всякий человек нашего времени, если вникнуть в противоречие его сознания и его жизни, находится в самом отчаянном положении. Не говоря о всех других противоречиях жизни и сознания, которые наполняют жизнь человека нашего времени, достаточно одного этого последнего военного положения, в котором находится Европа, и его христианского исповедания для того, чтобы человеку прийти в отчаяние, усомниться в разумности человеческой природы и прекратить жизнь в этом безумном зверском мире. Противоречие это — военное, заключающее в себе квинт-эссенцию всех других противоречий — так ужасно, что жить, участвуя в нем, можно только, если не думаешь о нем, можешь забыть его.

Как! Мы все, христиане, не только исповедуем любовь друг к другу, но действительно живем одной

---

*) Там же — стр. 109.

общей жизнью, одними ударами бьется пульс нашей жизни, мы помогаем друг другу, учимся друг у друга, все больше и больше, ко взаимной радости, любовно сближаемся друг с другом! В этом сближении — смысл всей жизни. И завтра какой-нибудь ошелелый глава правительства скажет какую-нибудь глупость, другой ответит такой же, и я пойду, сам подвергаясь убийству, убивать людей, не только мне ничего не сделавших, но которых я люблю. И это не отдаленная случайность, а это то самое, к чему мы все готовимся, и есть не только вероятное, но неизбежное событие.

Достаточно ясно сознать это для того, чтобы сойти с ума или застрелиться. И это самое и случается и даже особенно часто между военными. Стоит только на минуту опомниться, чтобы прийти к необходимости такого конца. Только этим и объясняется то страшное напряжение, с которым люди нашего времени стремятся к одурманиению себя вином, табаком, опиумом, картами, чтением газет, путешествиями, всякими зрелищами и увеселениями. Все эти дела производятся, как серьезные важные дела. Они действительно важные дела. Если бы не было внешних средств одурманивания, половина людей немедленно перестрелялась бы, потому что жить противоречиво своему разуму есть самое непереносимое состояние. А в этом состоянии находятся все люди нашего времени. Все люди нашего времени живут в постоянном вопиющем противоречии сознания и жизни. Противоречия эти выражаются и в экономических, и в государственных отношениях, но резче всего это противоречие — в сознании людьми христианского закона братства людей и необходимости, в которую ставит всех людей общая воинская повинность — каждому быть готовым к вражде, к убийству, каждому

быть в одно и то же время христианином и гладиатором". *)

Это противоречие, выраженное в других терминах, есть противоречие патриотизма и христианства, о котором Толстой подробно говорит в статье, носящей это заглавие. „Патриотизм в наше время“, пишет он: „есть жестокое предание уже пережитого периода времени, которое держится только по инерции и потому, что правительства и правящие классы, чувствуя, что с этим патриотизмом связана не только их власть, но и существование, старательно и хитростью и насилием возбуждают и поддерживают его в народах. Патриотизм в наше время подобен лесам, когда то бывшим необходимыми для постройки стен здания, которые несмотря на то, что они одни мешают теперь пользованию зданием, всетаки не снимаются, потому что существование их выгодно для некоторых. Между христианскими народами уже давно нет и не может быть никаких причин раздора.

Но правительствам нельзя оставить народы в покое, т. е. в мирных отношениях между собой, потому что если не единственное, то главное оправдание существования правительства в том, чтобы умиротворять народы, улаживать их враждебные отношения. И вот правительства вызывают эти враждебные отношения под видом патриотизма и потом делают вид, что умиротворяют народы между собой. Вроде того как цыган, которых посыпав своей лошади перца под хвост, нахлестав ее в стойле, выводят ее, повиснув на поводу, и притворяется, что он насилию может удержать разгорячившуюся лошадь*. По мнению Толстого, „нет во всей истории ни одной войны, которая не была бы вызвана

*) Там же — стр. 117, 118.

правительствами, одними правительствами совершенно независимо от выгод народов, которым война, даже если она успешна, всегда вредна". — „Патриотизм в самом простом, ясном и несомненном значении своем есть не что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей, а для управляемых — отречение от человеческого достоинства, разума и совести и рабское подчинение себя тем, кто во власти. Так он и проповедуется везде, где проповедуется патриотизм. — Патриотизм есть рабство“.

„Страшно сказать“, прибавляет Толстой: „но нет и не было такого совокупного насилия одних людей над другими, которое не производилось бы во имя патриотизма. Во имя патриотизма воевали русские с французами, французы с русскими, и во имя же патриотизма теперь *) готовятся русские с французами воевать против немцев, и во имя патриотизма готовятся теперь немцы воевать на два фронта. Но не только войны, — во имя патриотизма русские душат поляков и немцы — славян; во имя патриотизма коммунары убивали версальцев и версальцы — коммунаров“.

Но как же достигнуть прекращения такого состояния, при котором война является неизбежностью, как противодействовать наступлению войн, как сделать вообще, чтобы войны совсем и никогда не существовало и чтобы самое вопиющее из противоречий между сознанием и жизнью современного человека было навсегда устранено. Первое, что здесь прежде всего предлагается и о чем усиленно хлопочут разные собирающиеся конгрессы мира — это чтобы отдельные государства

*) Цитируемая мной статья была написана в 1894 г. после до-стопамятных франко-русских празднеств и внезапно объявившейся дружбы русских с французами. К. В.

распустили свои войска, разоружились и согласились решать свои несогласия третейским судом. „Удивительно, чем могут себя обманывать люди, когда им нужно обмануть себя“, пишет по этому поводу Толстой. „Правительства согласятся решать свои несогласия третейским судом и потому распустят войска. Недоразумения России и Польши, Англии и Ирландии, Австрии и Чехии, Турции и славян, недоразумения между Францией и Германией разрешатся добровольным согласием.

Ведь это все равно, как если бы предложить купцам и банкирам ничего не продавать дороже цены покупки, а заниматься распределением богатств без барышей и уничтожить вследствие этого ставшие ненужными деньги.

Но ведь торговля и банковое дело и состоят только в том, чтобы продавать дороже, чем покупать, и потому предложение о том, чтобы не продавать дороже покупной цены и уничтожить деньги, равняется предложению уничтожиться. То же самое с правительствами. Предложение правительствам не употреблять насилия, а по справедливости решать недоразумения, есть предложение уничтожиться, как правительство; а на это-то никакое правительство не может согласиться.

Ученые люди собираются в общества (таких обществ много, более 100), собираются на конгрессы (такие были недавно в Париже и Лондоне, теперь будет в Риме), читают речи, обедают, говорят спичи, издают журналы, посвященные этой цели, и во всех доказывается, что напряжение народов, принужденных содержать миллионы войск, дошло до крайних пределов, и что это вооружение противоречит всем целям, свойствам, желаниям всех народов, но что если много исписать бумаги и наговорить слов, то можно согласовать всех

людей и сделать, чтобы у них не было противоположных интересов, и тогда войны не будет.

Когда я был маленький, меня уверили, что для того, чтобы поймать птицу, надо посыпать ей соли на хвост. Я вышел с солью к птицам, но тотчас же убедился, что если бы я мог посыпать соли на хвост, то мог бы и поймать, и понял, что надо мной смеялись.

То же надо понять и людям, читающим статьи и книги о третейском суде и разоружении.

Если можно посыпать соли на хвост птице, то значит, что она не летает, ее и ловить нечего. Если же у птицы есть крылья и она не хочет быть пойманной, она не даст себе сыпать соли на хвост, потому что свойство птицы летать. Точно также свойство правительства состоит не в том, чтобы подчиняться, а подчинять себе. И правительство только настолько правительство, насколько оно может не подчиняться, а подчинять, и потому оно всегда стремится к этому и никогда добровольно не может отказаться от власти. А власть дает ему войско, и потому никогда не откажется от войска и употребления его для войны".*)

Еще более ясно ту мысль, что путем непосредственного обращения к правительствам ни в каком случае не может быть достигнуто прекращение войны, Толстой выразил в своем обращении на конгрессе мира в 1909 году. „Если мы, собравшиеся здесь на конгресс мира, пишет он, будем обращаться к правительствам, предлагать им разные меры для уменьшения зла войны или для того, чтобы войны все реже и реже возникали, то будем подобны людям, которые, имея в руках ключ от двери, ломились бы через стены, которые — они знают — что не могут быть разрушены их усилиями.

*) „Царство Божие внутри вас“, — стр. 130, 131, 132.

Перед нами миллионы всоруженных, все более и более вооружаемых людей, приготовляемых к все более и более успешному убийству. Мы знаем, что все эти миллионы людей не имеют никакого желания убивать себе подобных, большей частью не знают даже повода, по которому их заставляют делать это противное им дело, тяготятся своим положением подневольности и принуждения. Знаем, что убийства, совершаемые по временам этими людьми, совершаются по повелению правительства. Знаем, что существование правительств обуславливается войсками. И мы — люди, желающие уничтожения войны, — не находим ничего более целесообразного для этого уничтожения, как то, чтобы предлагать, кому же! — правительствам, существующим только войсками, следовательно, войною, такие меры, которые уничтожили бы войну, т. е. предлагать правительствам самоуничтожение.

Правительства с удовольствием будут слушать все такие речи, зная, что такие рассуждения не только не уничтожат войны и не подорвут их власти, но еще более скроют от людей то, что им нужно скрыть для того, чтобы могли существовать и войска, и войны, и они сами, распоряжающиеся войсками".

Столь же ошибочным считает Толстой и то мнение, что война будто бы сама себя уничтожит. „Говорят часто, пишет он, что изобретение страшных военных орудий убийства уничтожит войну; война уничтожит сама себя. Это неправда. Как можно увеличивать средства избиения людей, так можно увеличивать средства приведения к покорности людей общественного жизнепонимания. Пускай их бьют тысячами, миллионами, разрывают на части, они всетаки — одни, как бессмысленная скотина, будут итти на бойню, потому

что их подгоняют хлыстом; другие будут итти потому, что им за это позволят надеть ленточки и галунчики, и будут гордиться этим“... *)

Это же он писал и в своем дневнике за 1891 г. (15 сентября). „Пишут война погубит сама себя: так страшны ее орудия. Неправда, — будь они еще страшнее, будь они таковы, что девяносто девять сотых погибнут наверно, и люди всетаки пойдут и будут итти, пока не проснется человек — религиозный человек“.

„Дело войны, по мнению Толстого, обставлено такими сложными и хитрыми обманами, что многие бессознательно попадают в них“. — „Но обманы теперь уже слишком прозрачны, и пора освободиться от них. Обманов этих много и самых разнообразных. Первый и самый употребительный древний обман — религиозный: людей уверяют, что приготовления к войне хочет Бог, который благословляет войны, победы, и духовенство всех народов поощряет войну, — благословляет ее и приводит к присяге солдат на Евангелии, на том самом Евангелии, которое велит любить и подставлять щеку“. — „Другой обман — это обман патриотизма“... — „Третий обман... в том, чтобы внушить людям, что им грозит всегдашая опасность от соседних, имеющих коварные против них замыслы, народов, тех самых народов, которые со стороны их правительств внушают своему народу то же самое по отношению других народов. Четвертый обман — и самый в наше время распространенный — состоит в том, чтобы поставить людей в такое положение, чтобы существующее воинственное устройство, основанное на войске, было выгодно для них, так чтобы люди сами придумывали доводы в пользу существующего порядка. В этом обмане находится

---

*.) „Царство Божие внутри вас“.

большинство всех людей, не живущих прямо работой, но пользующихся работой других людей. И, наконец, пятый самый страшный обман — тот самый, который выдуман и поддерживаем этими самыми, находящими свою выгоду в существующем порядке вещей, людьми — состоит в том, чтобы, признавая неправильность, жестокость, бессмысленность существующего порядка вещей, предлагать всякие отдаленнейшие способы уничтожения этого зла, кроме первого и самого простейшего, состоящего в том, чтобы не участвовать в том, что считается злом, не давать денег на войну, если считать ее злом, не участвовать в организации войска, не служить в нем. Люди эти не только не признают этого самого естественного и простого способа избавиться от зла, но считают такой образ действий вредным, неправильной затратой энергии, и, чувствуя, что такой образ действий, будучи один — разумным, обличает их обман, всегда очень возмущаются и сердятся на тех, которые указывают другим на такой образ действий и поступают так".*)

Таким образом мы подошли вплотную к тому ясному и недвусмысленному ответу, который Толстой дает на вопрос, как может уничтожиться война, как может наступить ей конец. Приведенный выше отрывок относится к 1895 г., а вот что писал он в год своей смерти (1910 г.) 15 апреля в непосланном письме к Джону Истам:

„Прекратиться война может только тогда, когда все люди будут, как Сократ, считать себя гражданами не отдельного народа, а всего мира, и будут, как Христос, считать братьями всех людей, и потому столь же невозможным убивать или готовиться к убийству каких

*) Об абиссинцах — письмо к итальянцам, 1895 г.

бы то ни было людей и при каких бы то ни было условиях, как невозможно убивать или готовиться к убийству при каких бы то ни было условиях своих детей или родителей.

Прекратиться может война только тем, что люди перестанут, как теперь, смеяться над религией, воображая себе какую то христианскую религию, заключающуюся в вере в искупление и другие глупости, а когда точно поверят в вечный и единственный, всем известный, общий, один закон Бога, выраженный не одним Христом, но всеми мудрыми и святыми людьми мира, — закон о том, что все люди — братья и потому должны любить, а уж никак не убивать друг друга. А признают люди этот закон, и война кончится, кончится потому, что не будет солдат. Все это так просто и ясно. Но именно потому, что это просто и ясно, неискренние люди, дорожащие своим ложным положением, не хотят видеть этого.

„Дважды два — четыре. Да, это правда, но ведь не в этом дело. Это ведь арифметика, но есть другие соображения.“ — „Человеку нельзя и не должно убивать ближнего. Кто же спорит с этим? — Но есть другие соображения — дипломатические, политические, так что отказываться от участия в убийстве не всегда целесообразно. Это будет антимилитаризм. А антимилитаризм — нехорошо. А нужно совсем другое. И начинаются рассуждения... Стыдно и гадко!“

В краткой и сжатой форме та же мысль выражена в небольшом изречении, помещенном в „Круге чтения“,*) где Лев Николаевич пишет:

„Война уничтожится только тогда, когда люди не будут принимать никакого участия в насилии и будут

*) „Круг чтения“. 1-ое изд. 1904 г. — 29 декабря.

готовы нести все те гонения, которым они могут подвергнуться за это. Это одно средство уничтожения войны". И этими словами Толстой хотел сказать, что не должно принимать участие не только в наступательной, но и в оборонительной войне, не только в той войне, которая является прямым и непосредственным насилием над другими людьми, но и в той, которая является ответным насилием на насилие, т. е. сопротивлением злу посредством насилия.

Эта мысль иллюстрирована им в сказке об „Иване Дураке“, в которой наглядно изображено, что вышло из того, когда одно царство — тараканское — пошло войной на другое: на царство царя Ивана-дурака, не только не оказавшее ему сопротивления, но не имевшее даже войска. Вот это место изсказки об „Иване-дураке“: „Перешел тарацанский царь с войском границу, послал передовых разыскивать Иваново войско. Искали, искали — нет войска. Ждать — пождать — не окажется ли где? И слуха нет про войско, не с кем воевать. Послал тарацанский царь захватить деревни. Пришли солдаты в одну деревню — выскочили дураки, дуры, смотрят на солдат, дивятся. Стали солдаты отбирать у дураков хлеб, скотину; дураки отдают и никто не обороняется. Пошли солдаты в другую деревню — все тоже. Походили солдаты день, походили другой — везде все то же. Все отдают, никто не обороняется и зовут к себе жить. „Коли вам, сердешные, говорят, на вашей стороне житье плохое, приходите к нам совсем жить“. Походили, походили солдаты — нет войска; а все народ живет кормится и людей кормит, и не обороняется, а зовет к себе жить.

Скучно стало солдатам, пришли к своему тараканскому царю.

Не можем мы, говорят, воевать, отведи нас в другое место: добро бы война была, а это что — как кисель резать. Не можем больше тут воевать.

Рассердился тараканский царь, велел солдатам по всему царству пройти, разорить деревни, дома, хлеб скеч, скотину перебить. „Не послушаете, говорит, моего приказа, всех, говорит, вас расказню“.

Испугались солдаты, начали по царскому указу делать. Стали дома, хлеб жеч, скотину бить. Все не оброняются дураки, только плачут. Плачут старики, плачут старухи, плачут малые ребята. — За что, говорят, вы нас обижаете? Зачем, говорят, вы добро дуром губите? Коли вам нужно, вы лучше себе берите.

Гнусно стало солдатам. Не пошли дальше, и все войско разбежалось“.

Конечно, в этой сказке указан самый счастливый оборот для непротивленцев-дураков. Их царство лишь несколько поопустошили, но не завоевали, не присоединили к царству тараканскому. Случилось это потому, что у тараканских солдат проснулась совесть: им сначала сделалось „скучно“, что им никто не оказал сопротивления, а потом и совсем „гнусно“ обижать беззащитных людей и „дуром губить“ их добро. И они разбежались.

В моем распоряжении находится ненапечатанная статья одного из последовательных и убежденных сторонников идей, провозглашавшихся Львом Николаевичем. По поводу только что приведенной мною сказки Толстого автор этой статьи говорит следующее: „Предположим самое худшее, что можно допустить только в воображении. Предположим, что вражеское войско будет до такой степени одурено военной правкой, что по при-

казанию своего начальства истребит чуть ли не поголовно всех мирных жителей завоеванной страны. Тогда получится картина, изображенная в другой сказке, — сказке анонимного автора, носящей название: „Белая одежда“. Вот краткое содержание этой сказки:

Царь „Победитель“, завоевавший вокруг себя все соседние царства и только что одолевший самые упорные из них, а именно царство „Сильных“, которое ему удалось покорить подкупом, и царство „Хитрых“ — хитростью, решил завоевать, наконец, самое последнее из непокорных ему царств: а именно — царство „Праведных“. Его главный советчик старик предупреждал его, что царство „Праведных“ покорить нельзя, потому что граждане его, все до одного верные своим законам: „трудиться, любить друг друга и никого не бояться“, не согласятся принять его законов. Но он, не допуская поголовной стойкости и мужества всех граждан, решил испытать их на деле. И вот он велел на площади поставить виселицу и спрашивать каждого подданного: согласен он принять его законы или нет? И кто не согласен — того вешать. И никто не согласился, и всех до одного из царства Праведных перевешали. Остался только царский сын (отца его, царя Праведников, умертвили с самого начала). Его тоже решили допросить и казнить в случае упорства, но сначала заключили в тюрьму. Там, в тюрьме его навестила заинтересовавшаяся им дочь царя Победителя по имени Печаль. Это имя дано ей было потому, что она всегда грустила и скучала, не находя в жизни ничего осмыслиенного, доброго, что могло бы ее истинно порадовать. Во время беседы с царевичем она познакомилась с законами праведников и, полюбивши узника и приняв законы его царства, повеселела.

Возвратившись к себе, она обратилась к своему отцу-царю с двумя просьбами: во-первых, чтобы он подарил ей, за неимением Лучшей добычи, хоть одну из тех белых холщевых одежд, в которые одевались праведники, и, во-вторых, чтобы он позволил ей присутствовать на суде над царевичем.

Царь исполнил оба желания своей горячо любимой дочери.

И вот, присутствуя на суде над ее возлюбленным, вместе с отцом и его советником, она видит стойкость царевича, не колеблемую угрозами пыток, и, хотя ей и жалко его, однако пусть всего ей страшно, что вот струсит он, вот откажется.... Царю тоже стало жалко его и он посулил ему полцарства за отказ от своих законов.

Но измученный пыткой юноша, собрав последние силы, всетаки сказал:

— Нет.

И раздосадованный царь своею рукою вонзил ему меч в сердце и тогда обратился к старику:

— Ты говорил, нельзя победить царство Праведных, — вот последний из царства у моих ног.

Вдруг царская дочь поднялась с места, скинула с себя царскую мантию и стала перед царем отцом в белых холщевых одеждах, какие носили в царстве Праведных.

— Ты ошибаешься, отец, — сказала она, — ты убил не последнего. Чтобы убить последнего, подыми свой меч на меня: я жена царевича из царства Праведных и готова умереть, как он, за свои законы.

— О горе мне! простонал старый царь. Если родная дочь мне изменила, я не хочу больше жить!

И с этими словами он ударил себя мечом в сердце и упал, обливаясь кровью.

Царь Победитель умер. Царством, его стала управлять его дочь — царевна Печаль. И управляла она по тем законам, которым научилась от своего убитого мужа.

И все люди в ее царстве были довольны и счастливы. Случалось, что и на них приходили враги, но никто не мог их завоевать, потому что — сильного можно подкупить, хитрого перехитрить, но ничем нельзя победить праведного.

Приведя эту сказку, автор упомянутой мною статьи говорит: „Последний пример торжества Праведников хотя и самый фантастический, невозможный, потому что в нем обе крайности: жестокость одних и праведность, стойкость других — доведены до последних своих пределов, однако этот пример указывает на то, какой идеал праведности мы должны противопоставлять крайней жестокости людской. Мы должны знать, что то царство Божие, которое Христос велел искать прежде всего, есть царство „не от мира сего“ и поэтому должно заключаться не в тех кровью начертанных границах Франции, России, Англии, Италии или Германии, Австрии, Турции, а прежде всего здесь, внутри нас. И только тогда, когда мы готовы будем пожертвовать за это внутреннее царство не только жизнями своими (к сожалению; мы приучены отдавать их лишь за целость тех внешних царств), но отдать и самые эти внешние, кровавые царства, только тогда сможет наиболее мирным и прочным способом осуществиться внутреннее это царство и *во вне*, и притом в гораздо больших размерах, чем в каких мы хотели бы сохранить за собой или могли завоевать те мирские царства. И это должно

произойти по тому евангельскому закону, по которому человек, если захочет сохранить за собой хотя бы душу свою (жизнь плотскую, — Мф. XVI, 25), хотя бы отчество свое, то потеряет это хранимое; если же готов потерять и то и другое во имя обретения самого высокого, святого, что только доступно его разумному сознанию, то попутно ему приложится и все это искомое и отстаиваемое людьми мира сего. Одним словом, с отечеством должно произойти по Евангелию то же самое, что и с семьями, про которые Христос сказал, что нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или землю, ради меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной" (Ев. Марка, X, 29-30).

Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что приведенное мною место, хотя и не высказано было самим Львом Николаевичем, но вполне логически вытекает из всей совокупности его идей, а потому может служить незатемненным их выражением.

По мнению Толстого, стоит только людям „одну сотую той энергии, которую они употребляют на внешние дела, употребить на то, в чем они свободны, на признание и исповедание той истины, которая стоит перед ними, на освобождение себя и людей от лжи и лицемерия, скрывавших истину, для того, чтобы без усилий и борьбы тотчас же разрушился тот ложный строй жизни, который мучает людей и угрожает им еще худшими бедствиями, — и осуществилось бы то Царство Божие или хоть та первая ступень его, к которой уже готовы люди по своему сознанию.

Как бывает достаточно одного толчка для того, чтобы вся насыщенная солью жидкость мгновенно перешла бы в кристаллы, так, может быть, теперь достаточно самого малого усилия для того, чтобы открытая уже людям истина охватила бы сотни, тысячи, миллионы людей, установилось бы соответствующее сознанию общественное мнение, и вследствие установления его изменился бы весь строй существующей жизни. И сделать это усилие зависит от нас.

Только бы каждый из нас постарался понять и признать ту христианскую истину, которая в самых разнообразных видах со всех сторон окружает нас и просится нам в душу; только бы мы перестали лгать и притворяться, что мы не видим эту истину или желаем исполнять ее, но только не в том, чего она прежде всего требует от нас; только бы мы признали эту истину, которая зовет нас, и смело исповедывали ее, и мы тотчас же увидали бы, что сотни, тысячи, миллионы людей находятся в том же положении, как и мы, так же, как и мы, видят истину и так же, как и мы, только ждут от других признания ее.

Только бы перестали люди лицемерить, и они тотчас же увидали бы, что тот жестокий строй жизни, который один связывает их и представляется им чем то твердым, необходимым и священным, от Бога установленным, уже весь колеблется и держится только той ложью лицемерия, которой мы вместе с подобными нам поддерживаем его^{**}).

„С самой простой, низменной, мирской точки зрения“, говорит Толстой далее в том же сочинении: „уже ясно, что безумно оставаться под сводом

---

^{*)} „Царство Божие внутри вас“ — стр. 325, 326.

невыдергивающего своей тяжести здания и надо выходить из него. И, действительно, трудно придумать положение, которое было бы бедственнее того, в котором находится теперь христианский мир с своими вооруженными друг против друга народами, с своими постоянно неудержимо возрастающими для поддержания все растущих этих вооружений податями, со всеми разгорающейся ненавистью рабочего сословия к богатому, *с висящим над всеми дамокловым мечом войны, всякую секунду готовым и необходимо долженствующим рано или поздно оборваться.*

Едва ли какая либо революция может быть бедственнее для большой массы народа постоянно существующего порядка или скорее беспорядка нашей жизни со своими обычными жертвами неестественной работы, нищеты, пьянства, разврата и со всеми ужасами предстоящей войны, имеющей поглотить в один год больше жертв, чем все революции нынешнего столетия^(*)).

„Пусть только каждый человек“, восклицает Лев Николаевич: „сейчас же в своей жизни по мере сил своих исповедует ту правду, которую он знает, или хотя, по крайней мере, пусть не защищает ту неправду, которую он делает, выдавая ее за правду, и тотчас же в нынешнем 93-м году (год, когда писалось „Царствие Божие внутри вас“) совершились бы такие перемены к освобождению людей и установлению правды на земле, о которых мы не смеем мечтать и через столетия^(**)).

Я кончил. Задача моя заключалась в том, чтобы дать хотя беглую картину, хотя намек на то отноше-

^(*) Там же — стр. 327. ^(**) Там же — стр. 311.

ние, в которое стал бы, по всей вероятности Лев Николаевич к ужасной переживаемой нами действительности; на то, как он реагировал бы на современную войну. Задача моя заключалась в том, чтобы напомнить о той тревожной проблеме, которую онставил, и о тех способах разрешения ее, которые им предлагались. Мы можем с ним вполне или отчасти не соглашаться, но мы должны прислушаться к его искреннему голосу, неутомимо возвещавшему истину, как она открывалась ему, и отречившись от того кошмара, который овладел нами, попробовать вместе с ним снова свободно передумать те высокой важности вопросы, которые онставил перед нами, пробуждая нашу самую глубокую совесть от того сна и оцепенения, в которые она так часто обнаруживает склонность впадать.

Никто, как Толстой, не обладал свойством будить засыпающую совесть человека и именно потому, что никто, как Толстой, не был таким вечным, никогда не успокаивающимся искателем правды и истины. „Нужно бы написать целую книгу“, говорит другой писатель, которым Россия может гордиться, В. Г. Короленко: „чтобы проследить захватывающую историю этих исканий великого и беспокойного духа в поисках за исцеляющей гармонией истины“. И Короленко так отмечает начальный и конечный этапы этих исканий: „В эпоху „Войны и мира“ перед восхищенным взором Толстого колыхался океан душевной цельности противляющегося и борющегося народа. И он признал эту цельность борьбы законом жизни. Теперь послушная мечта развернула перед ним картину другой цельности, такой же могучей, такой же стихийной и такой же захватывающей. На него повеяло настроением другого народа, который на заре христианства

под грохот разваливающегося старого мира готовился завоевать человечество не чувством вражды и мести, а учением любви и кротости... Обаяние этой мечты охватило его, убаюкало беспокойную мысль, унесло на своих волнах в страну непротивления, к душевной ясности христиан первого века... Через тьму столетий до его слуха донесся призыв Христа, и надолго он остается в своей измечтанной стране, призываю мир, метущийся и страдающий в сетях непримиримых противоречий, в свое убежище".*)

Эти строки были написаны в 1908 году. К ним мы можем прибавить: этой светлой мечте Толстой остался верен до конца своей жизни, с нею он умер и из могилы своей как бы зовет нас поскорее осуществить и воплотить ее в жизни. Пойдем ли мы вместе с ним в одном направлении, пойдем ли мы против него, или мы пойдем еще дальше, чем он пошел — будем так же неутомимы, как и он, в своем искании истины и так же, как и он, не будем бояться ей взглянуть прямо в глаза, хотя бы она и оказалась в противоречии с тем, что подавляющее большинство считает за истину, и хотя бы она сулила нам не счастье и покой, а горе, тревогу и страдания.

21 октября 1916 года.

К. Н. Вентцель.

Издания Кружка С. В. О. Д.
печатаются по новой орфографии, с 1914 г.

*) В. Г. Короленко: „Лев Николаевич Толстой.“ Изд. Маркса. 1914 г. Т. I, стр. 323.

Орфография поглощает в начальной школе почти $\frac{2}{3}$ всего школьного времени, заставляет учащихся сидеть по два, по три года в одном и том же классе, превращая таким образом трехлетний курс въ 4--5 и даже 6-летний, и подобно тощей фараоновой корове пожирает прочие предметы, которые справедливо считаются существенно необходимыми для всякого человека, пришедшего в мир.

М. П. Щепкин.

Сущность упрощенной орфографии:

1. устранение букв *ъ, ѿ, і, ў, Ѻ*; устранение *ь* в конце слов перед *ж, ч, ш, ў*.
2. в приставках *без, из, воз, раз, через, низ*, — перед глухими согласными (*п, ф, т, с, ш, к, х, ч, ц, ў*) всегда писать *с*.
3. в окончании родит. падежа имен прилагательных, местоимений и причастий муж. и сред. рода — писать *оѓ, еѓ*.
4. в окончании именит. и винит. падежей множ. числа имен прилагательных, местоимений и причастий употреблять для всех родов безразлично написание *ье, ie*.
5. написание *они, одни* считать пригодным для всех трех родов.
6. написание *ee* употреблять как в винит., так и в родит. падеже.
7. упрощение правил переноса.

15. *Л. С. Тезавровская*. Бросовый материал. С 16 рис.
М. 1917 г. Ц. 75.
16. Против смертной казни. М. 1917 г. Ц. 6 к.
17. *В. Г. Короленко*. Падение царской власти. С портретом автора. М. 1917 г. Ц. 35 к.
18. *К. Н. Вентцель*. Школа и государство. М. 1917 г.
Ц. 15 к.
19. " Уничтожение тюрем. М. 1917 г.
Ц. 25 к.
20. " Свободный Родительский Университет. М. 1917 г. Ц. 15 к.
21. " Детский Дом. 2-ое изд., переработанное. М. 1917 г. Ц. 20 к.
22. *Л. Н. Толстой*. О религиозном воспитании. М. 1917 г.
Ц. 10 к.
23. *д-р А. Н. Сычин*. Охрана здоровья городского населения. М. 1917 г. Ц. 50 к.
24. *Н. М. Швайцар*. Исчез-ли „футляр“? (Педагоги и общественность). М. 1918 г. Ц. 35 к.
25. *Л. Н. Толстой*. Мысли о войне. М. 1918 г. Ц. 35 к.
26. *К. Н. Вентцель*. Лев Толстой и война. М. 1918 г.
Ц. 40 к.
27. " Декларация прав ребенка. М. 1918 г.
Ц. 15 к.
28. " Задача молодого поколения. М. 1918 г.
Ц. 15 к.
29. *Н. М. Швайцар*. О семейном воспитании (Маленькие мысли о большом съезде). М. 1918 г. Ц. 1 р. 25 к.
30. *д-р С. М. Швайцар*. Мелкая городская единица и санитария. М. 1918 г. Ц. 25.

Печатаются:

31. *Л. С. Тезавровская*. Народный Детский Сад Кружка (Жизнь сада и дневник). Изд. 2-ое, дополнено и переработанное.
32. *Н. М. Швайцар*. О вреде елок и подарков. Изд. 2-ое, дополненное и переработанное.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ

Океан иногда своими страшными волнами вздымается, как гора и, опускаясь, вновь превращается в покойную поверхность, — и это в силу естественного закона, так как всесильный властелин морей обвел их стеной из мелкого песку и поставил пределы бушующим волнам, чтобы они не преступили их и не затопили землю. О, если бы всемогущий бог поставил подобный же предел человеку и в границах его замкнул дух завоевания, чтобы морями крови не затоплялся бедный народ!

Мкртич I Айрик.

* * *

Народы до такой степени привыкли переносить бедствия от рук людей, что если бы их повели подобно овцам на бойню, они, не почувствовав ни чего, сказали бы, что такова судьба, таков рок их. Внутренняя причина этого явления заключается ни в чем ином, как в порабощенном, приниженнем, подавленном духе людей, окутанных бессветной тьмой невежества.

Мкртич I Айрик.

МИР И БРАТСТВО НАРОДОВ!